

ДЕКОНСТРУКТИВИЗМ

В.М. Розин

ЛИЧНОСТЬ И ТРАГЕДИЯ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ*

***Аннотация:** автор отталкивается от полемики в Интернете, одни участники которой обвиняют Марину Цветаеву в том, что она преступно относилась к своим дочерям, а другие оправдывают её, поскольку она великий поэт. Обсуждаются аргументы «за» и «против» основных точек зрения. Автор высказывает гипотезу, в соответствие с которой Цветаева была множественной личностью. Одна её личность — «поэта-эзотерика», а другая — обычная, но маргинальная. В свете этой гипотезы он объясняет странное поведение Цветаевой, а также выглядящее маниакальным ведение ею дневников. В конце статьи рассматривается вопрос о понимании художественного произведения в ситуации, когда создаются различные реконструкции жизни и личности их автора.*

***Ключевые слова:** филология, личность, сознание, двойственность, расщепление, текст, дневник, интерпретация, понимание, болезнь.*

Прочел книгу Людмилы Бояджиевой «Марина Цветаева. Неправильная любовь», из которой явствовало, что и жизнь великого поэта была не совсем правильная. Заинтересовался, верна ли такая интерпретация, открыл Интернет и обнаружил не только огромную литературу о Цветаевой, но и к своему удивлению страстную полемику как раз по интересующему меня вопросу. Поистине Интернет — великое изобретение, он позволяет сделать доступным литературу, о которой знают только некоторые, и подключиться к обсуждению буквально всех, кого интересует некоторая тема, как профессионалов, так и не профессионалов.

Наиболее интенсивно обсуждают личность Цветаевой, особенно в связи с её отношением к дочерям. Как известно, у Марины Ивановны были две дочери — старшая Аля, которую Цветаева любила, и младшая, нелюбимая Ирина.

«В голодные годы, — пишет Анна Кирьянова, — Марина сдала в Кунцевский приют своих дочерей. Кормить детей ей было тяжело: со службы она ушла, так как ей было скучно, неинтересно, бессмысленно переписывать глупые бумаги<...> Детей она сдала в приют, написав заявление, что это — чужие дети, которых она нашла под дверью. Иначе при живой матери девочек в приют бы не взяли. Может быть, спасли бы им жизнь. В приюте старшая, Аля, тяжело заболела, а младшая, Ирина, умерла с голоду. “Впрочем, так лучше”, — писали друг другу знакомые, хорошо знавшие Марину.

Ведь ребенок не видел ничего, кроме побоев и голода. Марина уходила на поэтические посиделки, привязав двухлетнюю Ирину за ногу к кровати в темной комнате. Под кроватью жили крысы<...> Привязывать ребенка Марина стала после того, как девочка наелась всякой гадости из помойного ведра<...> На похороны дочери Марина не пошла.

В смерти дочери Цветаева обвинила сестер мужа, которые помогали ей, чем могли. Долгое время Сергей Эфрон не общался с сестрами, считая их виновными в гибели Ирины¹.

Именно этот эпизод особенно интенсивно обсуждается в Интернете. Мнения резко разделились. Одна точка зрения, Цветаева — дикий эгоист, занятая только своей поэзией, фактически убила Ирину и искалечила жизнь Ариадне. Другая точка зрения — нет, Марина Ивановна была ненормальной, отсюда и эгоизм и всё остальное. Третья точка зрения, нельзя её особенно осуждать: какое время, какой поэт, а гении нам неподсудны. Приведу сначала относящийся к этому периоду (конец 19 — начало 20 года) фрагмент из дневников самой Цветаевой, а затем несколько высказываний участников полемики в Интернете.

* Инициировала это небольшое исследование моя жена, Первачева Наталья Евгеньевна, которая помогала подобрать в Интернете литературу о Цветаевой и обсуждала со мной разные гипотезы о её личности. Я искренне благодарю Наташу.

¹ Кирьянова А. Две души Марины Цветаевой (официальный сайт Анны Кирьяновой <http://kiryanova.com/r11.html>)

*(Из дневника Цветаевой,
«Записная книжка» 1919-1920)*

«Между кроватями мотается Ирина. Даю Але сахар. Взрыв кашля, Аля с расширенными от страха глазами молча протягивает мне вынутый изо рта сахар: в крови. Сахар и кровь! Содрогаюсь.

– “Это ничего, Алечка, это от кашля такие жилки лопаются”.

Несмотря на жар, жадно ест.

– “А что ж Вы маленькую-то не угостите?” Делаю вид, что не слышу. — Господи! — Отнимать у Али! — Почему Аля заболела, а не Ирина?!—

Выхожу на лестницу курить. Разговариваю с детьми. Какая-то девочка: — “Это Ваша дочка?” — “Родная”.

В узком простенке между лестницей и стеной — Ирина в злобе колотится головой об пол.

– “Дети, не дразните ее, оставьте, я уже решила не обращать на нее внимания, скорей перестанет”, говорит заведующая — Настасья Сергеевна.

– “Ирина!!!” — окликаю я. Ирина послушно встает. Через секунду вижу ее над лестницей. — “Ирина, уходи отсюда, упадешь!” кричу я. — “Не падала, не падала, и упадет?” говорит какая-то девочка.

– “Да, вот именно”, говорю я протяжно — спокойно и злобно — “не падала, не падала — и упадет. Это всегда так”»².

(полемика в Интернете)

– Это уже безумие какое-то. Полное.

– Допустим, младшую она не любила. Считала сумасшедшей — и так далее. Но старшую-то...

– А как бы оно поэтически было, если б и старшая умерла... продолжение единственное... это же пир духа был бы на все следующие годы<...>

– Но на самом деле все было проще. Она не хотела работать, не хотела никем заниматься, она хотела только принимать возвышенные позы, вещать, стихослагать и обо всем этом разговаривать. К концу 1919 это было совсем трудно — с детьми. А тут возможность их сбавить<...>

Но она совершенно нормальна. Умом и волей — совершенно нормальна. А всем остальным — так это не называется ненормальностью, это теперь вовсе никак не называется, а раньше называлось противоестественным изуверством.

– Смотрю. Никакого безумия в ходе мысли не нахожу. Вижу человека, который думает только о себе, считает это оправданным (она же Поэт), не хочет ничего ни для кого делать (иначе как в том случае, когда это будет означать полную потерю лица даже по его собственным

меркам — и по меркам его друзей, если они узнают, мнения друзей она боится), и очень не любит возиться с больными или дефективными — предпочитает сбить их с рук хоть в морг, только бы с ними не возиться. Но — с поправкой на то, чтоб при этом все-таки не вышло полной потери лица по его собственным (редкостно сволочным, но все же не бесконечным) меркам и разрыва с друзьями и мужем, которые детоубийцу не поймут. Ну и смерти старшей дочери она **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** очень не хотела. Правда, возиться с ней больной (и даже здоровой) она тоже **ОЧЕНЬ** не хотела. И работать для них она уж совсем категорически не хотела. И какое из этих нехотений превозможет, было неясно, и перипетии ноября-января именно борьбой этих нехотений (обычно — в пользу второго) и объяснялись<...> По своему складу она готова была до последнего рубежа делать перед собой вид, что дочери смерть и не грозит, хотя бы таковая ей уже давно грозила — лишь бы не заниматься дочерью, — она даже готова была на почти верную смерть посылать ее в “санаторию” в феврале, только чтоб с ней не возиться, а если не получится — то чтоб их взяли к себе Звегинцевы, только чтоб не возиться с Алей самой, — именно так оно все и было, — но вот в январе что-то щелкнуло (сестры Эфрон особенно заволновались, судя по тому, что Вера Эфрон помогала ей у Жуковской с Алей), и она ее забрала — о, конечно, не на свои собственные руки, а прежде всего на руки Жуковской. Думаю, что нет никаких сомнений в том, что занимались Алей прежде всего Жуковская и Эфрон, а она стишки 1913-1915 редактировала.

– Судя по поведению Цветаевой и её реакциям, она была не в себе, нездорова на голову, ненормальна. Нормальные вменяемые мрази так себя не ведут. У них мразотность прорывается, злодеяние, чудовищность, злоба. Прорывается осознание того, что невменяемость напукная. А тут всё натуральное.

– Не совсем нормальна все же. При всем ужасе истории тут поражает одна вещь — одержимость «тетрадками». Это знак некоторого безумия, вовсе не священного. Такое маниакальное писание вроде бы и есть так называемая «канализация» нехорошего психического состояния (в данном случае очень подходящее слово). Дурная энергия выходит через найденный канал, и человек вроде бы здоров становится. Цветаева на этом жила, как на наркотике и лекарстве. Как только создавалась угроза, что отнимут, начинались неадекватные поступки. Когда пришлось прекратить почти совсем, не смогла выжить.

– Поступок ужасен, итог ужасен, но... В общем, в чужую голову не влезешь — не понять ни истинных мотивов, ни причин, ни обстоятельств. Собственно, как и с любым другим человеком, просто ее фигура

² <http://wyradhe.livejournal.com/59035.html>

заметна, знаменита. И как мать я ее одновременно и понимаю и не понимаю. Вернее, так — как человек, я ее понимаю, как мать не очень. Хотя, наверное, и как мать понимаю. В общем, сложно все. Хорошая тема, интересная, но лично мне ее скорее жаль, чем хочется обвинять, даже не смотря на весь ужас ситуации. Просто и оправдать нельзя, против фактов не попрешь (если факты истинны, конечно), но и сплеча клеймить ее (как многие в комментариях) я не могу. Слишком уж живо описана в дневниках ее жизнь, ее чувства и я не думаю, что она могла бы поступить иначе в тех обстоятельствах и своими «тараканами». И вообще я не думаю, что ребенок выжил бы, даже если б она его забрала домой. «Любви не хватило». И часто это тоже не выбор человека. Не всегда можно любить только потому что так надо. Среди матерей такое тоже часто встречается, к сожалению.

— А все-таки, а все-таки — я не думаю, что уместно судить Поэта по тому, какой она была матерью. Какой бы ни была — Поэт. Это ее основное.

Судьбы таких Ирин — своего рода плата за существование Поэзии. Все гении — в быту совершенно “не подарки”.

“Поэзия”, если угодно — способ существования генератора Слова. Без поэзии нет Слова. Без Слова нет ни жизни, ни смерти. Logos est Ergos.

Рассматривать Цветаеву, как хорошую или плохую мать и судить ее по этой шкале, как она есть, всю — это “микроскопом гвозди забивать”.

— Прошла долгий путь регистрации-авторизации, с отвращением, не люблю, чтобы выплеснуть гнев. Правда пока прошла — гнев поостыл. Осталось понимание — всё как всегда. Ребята, а вы ведь глупости пишете. Подходить к Цветаевой с обычными мерками как к мамке — всё равно что к Моцарту, как к папке, к Ленину, как мужу, Крупской, как к жёнке, ну и к нашему всему — как к тятке и мужу. Про Пушкина я. Это глупо. Этими людьми владела пламенная страсть. Она им в уши напевала, нащёптывала, вся жизнь ей была подчинена. Какие дети, какие мужья, какие жёны. Вы о чём? И что вы с ней ровняетесь — ей ровни нет. Она другая. Я, надо сказать, не люблю цветаеведов за их неловкие попытки оправдать её, привести её поступки к знаменателю-обывателя и т.д. Она вовсе в этом не нуждается. Ну не подсудна Цветаева. Нам во всяком случае. И кстати даже с мещанской точки зрения очень возможно ребёнка не любить. Ещё в Библии, имена забыла, который право первородства продал за чечевичную похлёбку — так его мать не любила. И вообще, детей любят очень часто не одинаково. А уж такой человек, которого терзают ежеминутно, ежесекундно другие стра-

сти — ну вы о чём говорите то. Она и сына ведь предала по большому счёту. Но это не ее вина. Если бы она могла по-другому — она не была бы поэтом Цветаевой. Есть такие вещи, её письма к Ариадне Берг, к Вере Муромцевой — так вот она очень подробно там описывает что ею владеет, как это происходит, чего ей это стоит. Всё сразу на свои места становится. Почитайте. Анна Ахматова, сына которой воспитывала с младенчества свекровь и сестра её мужа. А её легенда о любви, о жертвенности к сыну — а всё ведь враньё и тому главный свидетель сам сын. У Цветаевой ведь всё честно да-да, нет-нет, не люблю, а там ложь, да какая. И масштабы личности ведь несоизмеримы. Беда Цветаевой, я так думаю, что она женщина. У гения мужчины всегда найдётся почитательница, которая будет терпеть всё, делать всё и ахать — ах, ах какой гений. Вот далеко ходить не надо. Бунин. Завёл любовницу, поселил в доме, жене сказал — и ты мне нужна. Та конечно, ах, ах Ванечка. А у Марины Ивановны такого быть не могло. Муж не мог свою жизнь её гению подчинить. Всё понятно. Он мужчина должен делать своё дело. Всё предельно ясно. Вот она и металась бедная всю жизнь — нужен был человек, который бы безусловно её принял и прожил жизнь так как ей было надо, отказавшись от своей. И вот тут то Творец злую шутку с ней сыграл, послав в теле женщины. И незачем огород городить³.

Вот такая полемика! Интересно, что каждая точка зрения небезосновательна, но, в то же время, уязвима. Ну, да предельный эгоизм, но ведь Поэт божьей милостью. Цветаева была буквально одержима поэтическим творчеством, только в этом и видела свое оправдание и значение. Как раз в это время записала в дневнике.

«Меня презирают — (и в праве презирать) — все.

Служащие за то, что не служу, писатели зато, что не печатаю, прислуги за то, что не барыня, барыни за то, что в мужицких сапогах (прислуги и барыни!).

Кроме того — все — за безденежье.

1/2 презирают, 1/4 презирает и жалеет, 1/4 — жалеет. ($1/2 + 1/4 + 1/4 = 1$)

А то, что уже вне единицы — Поэты! — восторгаются»⁴.

Однако разве гениальность оправдание перед детьми или мужем, которому Цветаева изменяла всю жизнь (с Софией Парнок, с Мандельштамом, с Родзиевичем, с Анатолием Штейгером; один из последних Николай

³ Там же.

⁴ Там же.

Гронский). Здесь та же проблема, что и с «нашим все», Александром Сергеевичем.

Борис Бурсов пишет, что сохранились «десятки свидетельств, причем совершенно достоверных, о резком несоответствии между стихами молодого Пушкина, наполненными самых высоких красот, и его внешним поведением, раздражавших очень многих. По словам Н.М. Карамзина, Пушкин, если он только не исправится, делается чертом еще до того, как попадет в ад». По мнению многих современников Пушкина, да и ряда позднейших исследователей молодой Пушкин циничен, безнравственен (как писал П. Долгоруков, сослуживец Пушкина по Кишиневу, «Пушкин умен и остер, но нравственность его в самом жалком положении»); одержим страстью к картам, костям и прекрасным женщинам, причем всегда готов обмануть последних; не задумываясь, развращает юные души. Бурсов, который сам привел все эти выдержки, пытается защитить Пушкина, указывая на то, что Пушкину или завидовали, или его не поняли. Заканчивает же он свою защиту так: «Друзья, с болью наблюдавшие за молодым Пушкиным, все-таки мало разбирались в нем. Даже после того, как был написан «Евгений Онегин», никто из них не сделал вывода, что без всего того, что огорчало их в Пушкине, этот роман не был бы написан<...> Кто может сказать, в каком опыте нуждался гений? Никто не знает этого лучше, нежели он сам»⁵.

Странная логика и защита: получается, что таланту и гению все позволено. Правда, у Бурсова есть и другой аргумент — от психологии искусства. Он пишет, что ошибаются те, кто связывает гениальные произведения напрямую с нравственностью и личностью создавшего их художника. «Мы привыкли думать и писать о гениальных художниках, как о безгрешных людях<...> В действительности никто из них не был святым. Святость и искусство — вещи несовместимые. Едва ли не самые проникновенные стихи Пушкина как раз те, которые переполнены чувствами если не раскаяния, то самообличения»⁶.

Опять получается несуразица, а именно, что необходимое условие гениального искусства — греховность, и добавим, вероятно, следуя логике Бурсова, чем художник гениальней, тем глубже он должен упасть, чтобы приобрести так нужный ему для творчества опыт жизни. Вот, например, Борис Пастернак — не менее гениальный поэт, чем Цветаева, но ведь его нельзя назвать безнравственным.

И ненормальность Цветаевой вроде бы трудно отрицать⁷. Дочери погибают, а она рассуждает или использует их страдания как материал для стихосложения. Сдавая дочь в приют, она пишет Ариадне.

«Милая Алечка, не томись, не горюй. То, что сейчас бессмысленно, окажется мудрым и нужным только надо, чтобы время прошло! — Нет ничего случайного!».

В то время как Аля в приюте пишет такое письмо:

«Мама! Я повешусь, если Вы не приедете ко мне, или мне Лидия Алекс<андровна> не даст весть об Вас! Вы меня любите? Господи, как я несчастна! Из тихой тоски я перехожу в желание отомстить тому, кто это сделал. О я Вас прошу, любите пожалуйста меня, или я умру самой мучительной смертью».

Цветаева не только не приезжает и никаких известий Але не передает, но зато сочиняет стихи о своей разлуке с дочерью.

---

⁷ Составители биографии, — пишет Кирьянова, — стремятся меньше говорить о страшных и чудовищных поступках Марины, необъяснимых с точки зрения правил человеческого общения, морали, нравственности. Сводная сестра Лера упоминает, что в подростковом возрасте Марина пристрастилась к рябиновой настойке. Спрятавшись на чердаке, чтобы не идти в ненавистную гимназию, Марина выпивала и писала свой перевод трагедии Ростана «Орлеонок». Допив бутылку, она выбрасывала ее во двор, совершенно не заботясь о том, что может попасть кому-нибудь по голове. Факт скорее забавный. Но вслед за этим сестра пишет о том, как Марина заложила в ломбард ее вещи, когда потребовались деньги<...> Это отношение к чужой собственности прослеживается на протяжении всей жизни Марины Цветаевой. К сожалению, она...крала вещи. «Она могла что-нибудь схватить, понравившееся ей», — робко намекает одна из ее современниц. Цветаева сама записывала свои «покражи в комиссариате»; упоминала, что крала хлеб для голодных детей у друзей, пригласивших ее к столу. Продала мебель, которую поставили ей на хранение друзья сводного брата Андрея. К сожалению, воровала и Аля, дочь Марины. «Два порока моего детства: ложь и воровство», — пишет она Пастернаку из очередной ссылки<...> Да и воровство самой Марины, которое не только не скрывалось, но и демонстративно оправдывалось. «Я сделала это из гнусности», — объясняла Марина, когда ее уличали в чем-то неприятном. Читай — из любви ко злу. А зло — воплощение того самого «Мышастого», Черта, похожего на дога, который общался с нею еще в детстве. Именно тогда начала развиваться вторая личность Марины. Девочка видела серого, гладкого словно породистый пес, Дьявола. Он кажется ей безумно привлекательным. Ему ничего не надо от Марины, кроме самой малости — души! И душа ребенка безраздельно принадлежит сначала — Черту, потом — разбойнику Пугачеву, потом — поставленному в киот с иконами Наполеону<...> Когда рассерженный отец попытался убрать Наполеона из киота с православными иконами, Марина в ярости бросилась на отца с тяжелым подсвечником в руке» (Цит. соч.).

⁵ Бурсов Б. Судьба Пушкина // Звезда. 1974. № 6. С. 134.

⁶ Там же. С. 120.

*Маленький домашний дух,
Мой домашний гений!
Вот она, разлука двух
Сродных вдохновений!
Жалко мне, когда в печи
Жар, — а ты не видишь!
В дверь — звезда в моей ночи!
Не взойдешь, не выйдешь!
Платьица твои висят,
Точно плод запретный.
На окне чердачном — сад
Расцветает — тщетно.
Голуби в окно стучат, —
Скучно с голубями!
Мне ветра привет кричат, —
Бог с ними, с ветрами!
Не сказать ветрам седым,
Стаям голубиным —
Чудодейственным твоим
Голосом: — Марина!⁸*

Но с другой стороны, разве Цветаева не осознает, что она делает? Осознает и довольно точно все описывает в своем дневнике. И осознает и выставляет аргументы, почему детей нужно отдать в приют или пока еще не забирать из него. Любой психолог-криминалист сказал бы, она вполне вменяема и отвечает за свои действия (подобно тому, как сегодня психологи объявляют вменяемыми тысячи убийц и насильников; но если человек убил другого или изнасиловал, то какой же он вменяемый?).

Однако, почему, спрашивается, в Интернете и литературе разгорелся такой страстный спор о Цветаеве? Мало ли кто не совсем здоровый или предельный эгоист, и как много матерей погубили своих детей. Такое впечатление, что многих задела новая информация о жизни поэта. Не потому ли такой крик, что треснул, грозя полностью рассыпаться, сложившийся у нас хрустальный и отчасти духовный образ Цветаевой? Ведь она жертва репрессивной советской машины, а, следовательно, должна быть сверхнравственна. Не потому ли, что невольно или вольно мы идентифицируемся с Цветаевой (с Пушкиным, Достоевским и пр.), и вдруг, выясняется, что «наша Цветаева» совсем не такая, которую можно любить. Подобный же шок, помню, я пережил, когда в Академическом издании Пушкина наткнулся на такое его письмо П.А. Вяземскому. В апреле-мае 1826 года Пушкин пишет следующее:

«Письмо это тебе вручит милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрехнул.

Полагаюсь на твоё человеколюбие и дружбу. Приюти её в Москве и дай денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино... При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если только то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется — а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, — хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей богу — *но тут уж не до совести* (курсив наш. — В.Р.)». Интересно и ответное послание (от 10 мая 1826 года) П.А. Вяземского: «Мой совет: написать тебе полу-любовное, полу-раскаятельное, полу-помещичье письмо твоему тестю (Вяземский выше в своем письме сообщает Пушкину, что отец беременной девушки назначается старостой в Болдино. — В.Р.), во всем ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущего творения, но поручить на его ответственность, напомнив, что волею божиею, ты будешь барином и тогда сочтешься с ним в хорошем или худом исполнении твоего поручения».

Чему здесь нужно больше удивляться: странной и безнравственной просьбе Пушкина или циническому совету Вяземского — неизвестно. Поначитавшись затем о нравственном состоянии молодого Пушкина, я и вовсе загрустил. Кстати, следуя за Мариной Цветаевой, я вполне мог сказать: «Мой Пушкин»⁹. Я не мог и жить с таким пониманием, точнее непониманием, и отмахнуться от возникшей проблемы. Читая дальше письма, я с определенным удовлетворением отметил, что сходная проблема не давала покою и Петру Чаадаеву.

«Нет в мире духовном зрелища более прискорбного, — писал он в марте-апреле 1829 года, — чем гений, не понявший своего века и своего призвания. Когда видишь, что человек, который должен господствовать над умами, склоняется перед мнением толпы, чувствуешь, что сам останавливаешься в пути. Спрашиваешь себя: почему человек, который должен указывать мне

⁹ Вспомним начало замечательной статьи Цветаевой «Мой Пушкин». «Первое, что я узнала о Пушкине, это — что его убили. Потом узнала, что Пушкин — поэт, а Дантес — француз. Дантес возненавидел Пушкина, потому что сам не мог писать стихи, и вызвал его дуэль, то есть заманил на снег и там убил его из пистолета в живот<...> Нас этим выстрелом всех в живот ранили» (Бурсов Б. Судьба Пушкина // Звезда. 1974. № 6. С. 122). Марина не оговорила, и это не просто метафора — Дантес ранил ее в живот и всех нас ранил. Так и я. Не хочу отдавать Пушкина другим, тем, кто считает, что Пушкин жил только страстями, что он не был способен на духовное делание и не стремился к этому. Мне больше нравится Пушкин, в котором, как я показываю в своем исследовании, совершается духовный переворот, который идет навстречу Чаадаеву, жизнь которого, начиная с 30-х годов, уподобляется его же собственным возвышенным идеям.

⁸ <http://wyradhe.livejournal.com/59035.html>

путь, мешает идти вперед? Право, это случается со мной всякий раз, когда я думаю о вас, а думаю я о вас так часто, что устал от этого. Дайте же мне возможность идти вперед, прошу вас. Если у вас не хватает терпения следить за всем, что творится на свете, углубитесь в самого себя и своем внутреннем мире найдите свет, который безусловно кроется во всех душах, подобных вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России. Не изменяйте своему предназначению, друг мой»¹⁰.

Но может быть, убеждение, что «гений и коварство несовместимы», а великая поэзия обязательно должна принадлежать нравственной и духовной личности, это всего лишь мифы? Подвесим пока эти вопросы и вернемся к обсуждению личности Цветаевой.

Кириянова назвала свою статью «Две души Марины Цветаевой». Но может быть, *две личности* (в одном месте она так и говорит), или даже *два разных человека* в одном теле, т.е. «множественная личность» по классификации психологов.

«Двоякость, двойственность, двоедушие, двуличие — каких только имен не пытались дать тому загадочному и странному, что временами проявляется в каждом из нас<...> Когда узнавалось о плохих или странных поступках, совершенных Эфроном, говорилось так: «Это сделал «тот» Сергей Яковлевич». Сама Марина Цветаева тоже играла две роли на сцене судьбы. Великая умнейшая поэтесса, человек огромных душевных порывов и мистической просветленности; она совершала некоторые гадкие поступки просто так, «из гнусности», как она сама объясняла<...> Сама Марина Цветаева чужая своя «неодушевленность», за которой скрывалась — двойственность души. О «неодушевленности» она писала страстно любимому Родзевичу; но писала она и о том, что вся ее жизнь — «роман с собственной душой». Она блуждала в зеркальном лабиринте собственного Эго, щедро смешивая добро и зло, так неотличимо-похожие в ее сознании. Добро ли — голодному Бальмонту в Москве девятнадцатого года нести две картофелины из трех, угощать старого князя Волконского с трудом добытыми продуктами, жалкими пирожками с горохом? Несомненно. Но в это время плакала от голода рахитичная Ирина, чахла тонкая «стебелек- травинка» Аля<...> Добро ли — истово, словно выполняя обет, переписывать умную, тонкую, философичную книгу князя от руки, чтобы сохранить ее для потомков? Да. Но в то же время пришлось от-

казаться от бессмысленной службы, на которую ее ради пайка устроил добрейший коммунист Закс, который снимал у поэтессы комнату и страшно сочувствовал ее голодным детям, делился скудным пайком, отдавая сахар и хлеб. Добро ли — знакомить князя, старого аристократа, с молодым поэтом Миндлиным, так нуждающимся в литературном совете и духовной опоре? Конечно. Но — Волконский был гомосексуалистом и очень любил молодых поэтов...

«Все это так сложно... Так далеко непросто...», — говорил один из друзей Марины в голодной Москве девятнадцатого года, актер и режиссер Юрий Завадский. Его слова Марина вспоминала иронично; однако именно эти мудрые слова отражают наше отношение к некоторым поступкам великой Цветаевой<...> Ей так хотелось быть простой и понятной для самой себя: «Мне хочется жить образцово и просто, как солнце, как маятник, как календарь», — писала она в молодости. Но для такой жизни нужно быть или очень простым и примитивным человеком, либо достичь просветления. Ни того, ни другого Марине Цветаевой было не дано. И в отчаянии и страхе она стала примерять смерть. Безумно боясь за Георгия, Цветаева эвакуировалась в Елабугу от Союза Писателей. И снова двойственность и странность, непонятная нам: страстно обожая сына, боясь за него, решившись на эвакуацию в незнакомый город, практически без средств к существованию, она оставляет мальчика одного, покончив с собой»¹¹.

Да, я склоняюсь к убеждению, что Марина Цветаева была множественной личностью, что в её теле жили два очень разных человека, которые попеременно овладевали её душой и сознанием, реализуя, как правило, прямо противоположные и несовместимые формы поведения и поступки¹². Первая личность — это личность, условно

¹¹ Кириянова А. Цит. соч.

¹² О множественной личности см. книгу автора «Феномен множественной личности. По материалам книги «Множественные умы Билли Миллигана» М., 2008. Интересно, что и К. Юнга можно отнести к множественной личности. Одна его личность — обычная, а вот как сам Юнг описывает свою вторую личность. «Но существовал и другой мир, и он был как храм, где каждый забывал себя, с удивлением и восторгом постигая совершенство Божьего творения. В этом мире жил мой «Другой», который знал Бога в себе, он знал его как тайну, хотя это была не только его тайна<...> «Другой», «номер 2» — типичная фигура, но осознается она немногими<...> мир моего второго «Я» был моим, и все же у меня всегда оставалось чувство, что в том втором мире было замешано что-то помимо меня. Будто дуновение огромных миров и бесконечных пространств коснулось меня, будто невидимый дух влетал в мою комнату — дух кого-то, кого давно нет, но кто будет всегда, кто существует вне времени» (Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. С. 55, 74).

¹⁰ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М., 1941. Переписка. Т. 13, 14. С. 44, 394.

говоря, «поэта-эзотерика», склонного считать поэтическую реальность самой главной и подлинной, а обычный мир второстепенным. Личность, реализующая себя в поэтическом творчестве, а также в формах романтической жизни, где измены — не измены, а необходимый для гения опыт, люди — не люди, а почитатели твоего таланта и средства твоей жизни¹³, жизненные обстоятельства — не обстоятельства, если они противоречат поэтической реальности. Для художника несложно переинтерпретировать любое обычное обстоятельство, в том числе и свои поступки, как подтверждающие или противоречащие подлинной реальности. Подобно тому, как Цветаева все события истолковывала в таком плане, который ей нужен был для продолжения своего творчества.

Вторая личность — обычная, непоэтическая, отчасти даже нравственная, но только отчасти. В силу воспитания, влияния матери, времени Цветаева, по моей классификации, при всем её уме и знаниях, была очень *маргинальна*, жила, как бы сказал Михаил Бахтин, идеями («человек идеи»), а я бы сказал, что она во многом жила *абстрактными схемами*. Отсюда, абсолютная непрактичность, нежелание и неумение понять других, метания и странные поступки. Все это, конечно, было усугублено и тотальным влиянием первой личности. Дело в том, что обе личности Цветаевой не были разделены «китайской стеной», напротив, первая все время навязывала второй неадекватное, с точки зрения социальной логики и здравого смысла, поведение. И в истории с дочерьми она сыграла свою роковую роль. Сначала под её влиянием Марина пришла к выводу, что детям в приюте будет лучше, потом, что забирать их еще рано, и «всю дорогу», что Ирина дефектная и поэтому недостойна заботы.

Но, конечно, бывали периоды, когда первая личность почему-либо уходила на второй план, и вот тогда у Марины просыпалась совесть и события она начинала видеть вполне адекватно. Так было, например, и несколько месяцев после смерти Ирины.

«Гляжу иногда на Ирину картушку. Круглое (тогда!) личико в золотых кудрях, огромный мудрый лоб, глубокие — а м<ожет> б<ыть> пустые — темные

¹³ «Марина забрасывала знакомых письмами с требованиями помочь, “прислать иждивение”. Около восьми лет деньги присылала Саломея Андронникова, воспетая когда-то Мандельштамом, работавшая в журнале и отсылавшая Марине часть своего жалованья. Помогал и князь Святополк-Мирский, который, кстати, терпеть не мог Сергея Эфрона, да и саму Марину, но обожал и уважал ее великие стихи. Когда помощь стала невозможной по ряду причин, Марина назвала это<...> “свинством”, мотивируя обиду тем, что она привыкла планировать бюджет, исходя из присылаемых сумм» (Кирьянова А. Цит. соч.)

глаза — *des yeux perdus* {потерянные глаза (фр.)} — прелестный яркий рот — круглый расплющенный нос — что-то негритянское в строении лица — белый негр. Ирина! — Я теперь мало думаю о ней, я никогда не любила ее в настоящем, всегда в мечте — любила я ее, когда приезжала к Лиле и видела ее толстой и здоровой, любила ее этой осенью, когда Надя (няня) привезла ее из деревни, любовалась ее чудесными волосами. Но острота новизны проходила, любовь остывала, меня раздражала ее тупость, (голова точно пробкой заткнута!) ее грязь, ее жадность, я как-то не верила, что она вырастет — хотя совсем не думала о ее смерти — просто, это было существо без будущего. — Может быть — с гениальным будущим? Ирина никогда не была для меня реальностью, я ее не знала, не понимала. А теперь вспоминаю ее стыдливую — смущенную такую — редкую такую! — улыбку<...>

Иринина смерть для меня так же ирреальна, как ее жизнь. — Не знаю болезни, не видела ее больной, не присутствовала при ее смерти, не видела ее мертвой, не знаю, где ее могила.

— Чудовищно? — Да, со стороны. Но Бог, Видящий мое сердце, знает, что я не от равнодушия не поехала тогда в приют проститься с ней, а от того, что НЕ МОГЛА. (К живой не приехала...)

Ирина! Если есть небо, ты на небе, пойми и прости меня, бывшую тебе дурной матерью, не сумевшую перебороть неприязнь к твоей темной непонятной сущности. — Зачем ты пришла? — Голодать — «Ай дуду» ...ходить по кровати, трясти решетку, качаться, слушать окрики<...>

Иринина смерть ужасна тем, что она — чистейшая случайность. (Если от голода — немножко хлеба! если от малярии — немножко хины — ах! — НЕМНОЖКО ЛЮБВИ, <не дописано.> История Ирининой жизни и смерти: на одного маленького ребенка в мире не хватило любви»¹⁴.

Вот такая исповедь, вполне правдивая, даже не без угрызений совести. И вопрос об отъезде в СССР решала вторая личность, и выбор покончить свою жизнь исходил от неё же. Однако везде схемы. Например, попав в СССР, Цветаева уже не только не могла писать и сочинять, но и не могла себя реализовать даже по отношению ко второй личности. И вот здесь ей овладевает схема самоубийства.

«Марина часто упоминала — повешение. С ранней юности, почти с детства она много говорит и пишет о самоубийстве. Как часто в ее письмах встречаются

¹⁴ Записная книжка.

слова: “лучше повеситься”, “лучше удавиться”, “я непременно повешусь”, “ищу глазами крюк”<...> Повесилась на миртовом деревце ее Федра из поэмы. Повесились в далеком 1910 году мать и брат Сергея Эфрона, пятнадцатилетний Котик. Сын убийцы-народовольца то ли играл, то ли был обижен учителем в школе, только мать, седая, больная старуха обнаружила его уже висющим в петле. И, не выдержав, повесилась сама. Странно переключаясь с подвешенными в космосе загадочными Весами, повесился и еще один “звездный брат” — Сергей Есенин. Давным-давно был повешен еще один сын Весов — Рылеев<...> Смерть представителей самого воздушного знака из-за этого самого воздуха — нехватки! «Поэма воздуха» завершилась преодолением земной косности, качанием усталой плоти в нескольких сантиметрах от пола в елабужской избе, вечным полетом духа «До-мой — в огонь-синь», куда так стремилась с самого рождения на земле громадная и противоречивая душа великого русского Поэта — Марины Цветаевой. И куда, по народным преданиям, попадают души тех, кто наложил на себя руки»¹⁵.

Но как, спрашивается, первая личность управляла второй? Ведь Цветаева не осознавала свою двойственность. Думаю, посредством создания текста (дневника), разворачивающегося параллельно самой жизни. Дело не в рефлексивной маниакальности и графоманстве. Вторая личность должна была на что-то опираться, знать, как вести себя в разных ситуациях. При этом чаще всего она не могла опираться на саму себя, поскольку над ней довлела первая личность. И вот в такой ситуации ведение дневника выступает способом, с одной стороны, проведения воли и видения первой личности, а с другой — проецирование и конкретизация этого воления относительно обычных ситуаций и поступков второй личности. Например, можно заметить, что, рассказывая в записной книжке о посещении приюта, Цветаева явно реализует интересы первой личности. При этом одновременно она выстраивает поступки и в обычной реальности (т.е. в качестве второй личности не замечает Ирину, не дает ей сахар, не забирает Алю), поступки, не противоречащие желаниям первой личности. Приоритет первой личности объясняет и такой странный факт, что, описывая посещение приюта, Цветаева не замечает чудовищности своего поведения. Здесь, как я показываю в книге «Феномен множественной личности», имеет место «символическая амнезия», когда человек вроде бы осознает (или помнит) свои поступки, но при этом совершенно не относит их к себе (как

будто они совершаются кем-то другим). Получается, что ведение дневников для Марины являлось такой же необходимостью, как есть или пить, или спать; без непрерывного описания своей жизни и поступков она просто не смогла бы жить. Прекращение этой работы грозило Цветаевой прямым расщеплением психики (в этом случае обе её личности обособились бы) и, как следствие, психическим заболеванием. Возможно, такое расщепление произошло, когда она вернулась в СССР и не смогла уже писать стихи. Мстя за неправильный выбор, лишаящий первую личность возможности жить, последняя убивает вторую.

Кстати, понятно, что в отношении к множественной личности не работают обычные критерии и оценки добра и зла, а также нормы и патологии. Да, Цветаева ведет себя ужасно и преступно по отношению к своим дочерям, почти как ненормальная. Но ведь она, действительно, не в состоянии это осознать (в этом смысле невменяема), ведь вторая её личность, принимающая решения, несамостоятельна, она действует под влиянием первой личности, которая, в свою очередь, не осознает адекватно, что происходит. Когда же вторая личность, получает возможность самостоятельно мыслить и критически оценивать собственные действия, поезд уже ушел.

Теперь вопрос, который не менее живо обсуждался — стоит ли судить поэта, если он безнравственный или даже хуже того творит зло. Может быть, вообще нам не нужно знать, какой жизнью жил поэт, кто он был как человек? Вопрос непростой. Ведь как было удобно, когда мы не знали ничего о Цветаевой, или когда нам рисовали её образ только как жертвы советской власти. Читаем её стихи, удивляемся гению, наслаждаемся. И вдруг, на тебе, выясняется, что эти прекрасные стихи написала не то больная, не то безнравственный человек, не то индивид, эгоизм которого трудно себе вообразить, не то личность, в которой присутствуют все эти прелести вместе взятые.

А ведь теперь с пришествием его величества Интернета, а также с любовью к культурологическим и психологическим исследованиям, мы уже никогда не сможем избавиться от реконструкций жизни автора. И не важно, что все они разные. Важно другое — эти реконструкции кардинально меняют наше восприятие и понимание поэзии (вообще произведений искусства). Стихи Цветаевой, хотим мы этого или нет, уже всегда будут восприниматься и переживаться в контексте соответствующих исследований её жизни. Смешно сказать, постмодернисты все твердили о смерти автора, а получилось наоборот, он впервые рождается и начинает участвовать в жизни своих произведений.

Но есть еще один аспект этой темы. Кто, интересно, пишет стихи — поэт или «Поэзия» посредством автора? В статье Цветаевой «Искусство при свете совести» читаем.

¹⁵ Кирьянова А. Цит. соч.

«Робость художника перед вещью. Он забывает, что пишет не он. Слово мне Вячеслава Иванова — “Только начните! Уже с третьей страницы вы убедитесь, что никакой свободы нет”, — то есть: окажусь во власти вещей, то есть во власти демона, то есть только покорным слугой<...> А доля воли во всем этом? О, огромная. Хотя бы не отчаяться, когда ждешь у моря погоды<...> Моя воля и есть слух, не устать слушать, пока не услышишь, и не заносить ничего, чего не услышал»¹⁶.

Однако думаю, что стихи пишут они оба. Поэт и Поэзия вместе. Поэт выражает себя и сочиняет, но не как бог на душу положит, а следуя логике поэзии, развивая язык искусства. Поэзия сама писать и сочинять не может, она это делает посредством поэта. Другим словами симбиоз и синергия. Но ведь тогда, кое-что и от личности поэта зависит. Зависят проблемы, которые он обсуждает, отношение к событиям, которые им конструируются, сам характер переживаний, воплощенных в событиях художественной реальности. Но поскольку поэзия и её язык одновременно деиндивидуальны, постольку они от личности поэта не зависят. Диалектика, правда, всегда конкретная. Можно кое-что понять в поэзии Марины Цветаевой, анализируя её жизнь и личность, однако, при этом еще многое останется непонятным.

Жизнь Бориса Пастернака была почти идеальной в нравственном отношении, а жизнь Цветаевой, наоборот, достойна, если и не осуждения, то, во всяком случае, сожаления. Но поэзия обоих замечательная и гениальная. И вот теперь, мы обе поэзии воспринимаем сквозь призму жизни их авторов. Поэзия Пастернака, безусловно, выдержит это испытание, а вот Цветаевой — вопрос. Но думаю, и она выдержит, поскольку мятущаяся, интеллектуальная, двойственная личность и даже эгоистическая и безнравственная, к сожалению, становится в современной культуре все более массовой. Можно об этом сожалеть, можно ставить вопрос, что с этим делать, но нельзя отрицать, что еще долго подобное положение дел будет нашей реальностью, которую искусство должно выводить из небытия и осмыслять.

Интересно, как сама Цветаева обсуждает эту тему. С одной стороны, она вроде бы требует, чтобы художника был нравственной личностью.

«Итак, произведение искусства — то же произведение природы, но долженствующее быть просвещенным светом разума и совести. Тогда оно добру служит, как служит добру ручей, крутящий мельничное колесо. Но сказать о всяком произведении искусства — благо, то же, что сказать о всяком ручье — польза. Когда польза,

а когда и вред, и насколько чаще — вред!» «Может быть, мы бы второй частью «Мертвых Душ» и не соблазнились. Достоверно — им бы радовались. Но наша та бы радость им ничто перед нашей этой радостью Гоголю, который из любви к нашим живым душам свои Мертвые — сжег. На огне собственной совести». «Если мои вещи отрешают, просвещают, очищают — да, если обольщают — нет, и лучше бы мне камень повесили на шею»¹⁷.

С другой стороны, говорит и настаивает Цветаева, художник, особенно гений, находится за пределами нравственности.

«Художественное творчество в иных случаях некая атрофия совести, больше скажу: необходимая атрофия совести, тот нравственный изъян, без которого ему, искусству, не быть. Чтобы быть хорошим (не вводить в соблазн малых сих), искусству пришлось бы отказаться от доброй половины всего себя. Единственный способ искусству быть заведомо-хорошим — не быть. Оно кончится с жизнью планеты <...> “Исключение в пользу гения”. Все наше отношение к искусству — исключение в пользу гения. Само искусство тот гений, в пользу которого мы исключаемся (выключаемся) из нравственного закона». «Состояние творчества есть состояние сновидения, когда ты вдруг, повинувшись неизвестной необходимости, поджигаешь дом или сталкиваешь с горы приятеля. Твой ли это поступок? Явно — твой (спишь, спишь ведь ты!). Твой — на полной свободе, поступок тебя без совести, тебя — природы». «Часто сравнивают поэта с ребенком по примете одной невинности. Я бы сравнила их по примете одной безответственности. Безответственность во всем, кроме игры»¹⁸.

А вот заключение, подтверждающее, что личность поэта для Цветаевой была главной, и она это прекрасно понимала.

«Посему, если хочешь служить Богу или людям, вообще хочешь служить, делать дело добра, поступай в Армию Спасения или еще куда-нибудь — и брось стихи<...> И зная это, в полном разуме и твердой памяти расписавшись в этом, в не менее полном и не менее твердой утверждаю, что ни на какое другое дело своего не променяла бы. Зная большее, творю меньшее. Посему мне прощенья нет. Только с таких, как я, на Страшном суде совести и спросится. Но если есть Страшный суд слова — на нем я чиста»¹⁹.

¹⁷ Цветаева М. Искусство при свете совести.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

¹⁶ <http://www.pergam-club.ru/book/6492>

При таком ясном (при свете совести) осознании своей судьбы, нам остается только уважать выбор Цветаевой, понимая, что за своих детей она была готова отвечать и

на Страшном суде. Но готова ли была реально? Это знает один Бог. Цветаева была одновременно и очень сильной личностью и очень слабой. Как и многие из нас.

Список литературы:

1. Кирьянова А. Две души Марины Цветаевой (официальный сайт Анны Кирьяновой <http://kiryanova.com/r11.html>)
2. Бурсов Б. Судьба Пушкина // Звезда. 1974. № 6.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М., 1941. Переписка. Т. 13, 14.
4. Розин В.М. О множественной личности см. книгу автора «Феномен множественной личности. По материалам книги «Множественные умы Билли Миллигана» М., 2008.
5. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994.
6. Цветаева М. Искусство при свете совести.

References (transliteration):

1. Kir'yanova A. Dve dushi Mariny Tsvetaevoy (ofitsial'nyy sayt Anny Kir'yanovoy <http://kiryanova.com/r11.html>)
2. Bursov B. Sud'ba Pushkina // Zvezda. 1974. № 6.
3. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy. M., 1941. Perepiska. T. 13, 14.
4. Rozin V.M. O mnozhestvennoy lichnosti sm. knigu avtora «Fenomen mnozhestvennoy lichnosti. Po materialam knigi «Mnozhestvennye umy Billi Milligana» M., 2008.
5. Yung K. Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya. Kiev, 1994.
6. Tsvetaeva M. Iskusstvo pri svete sovesti.